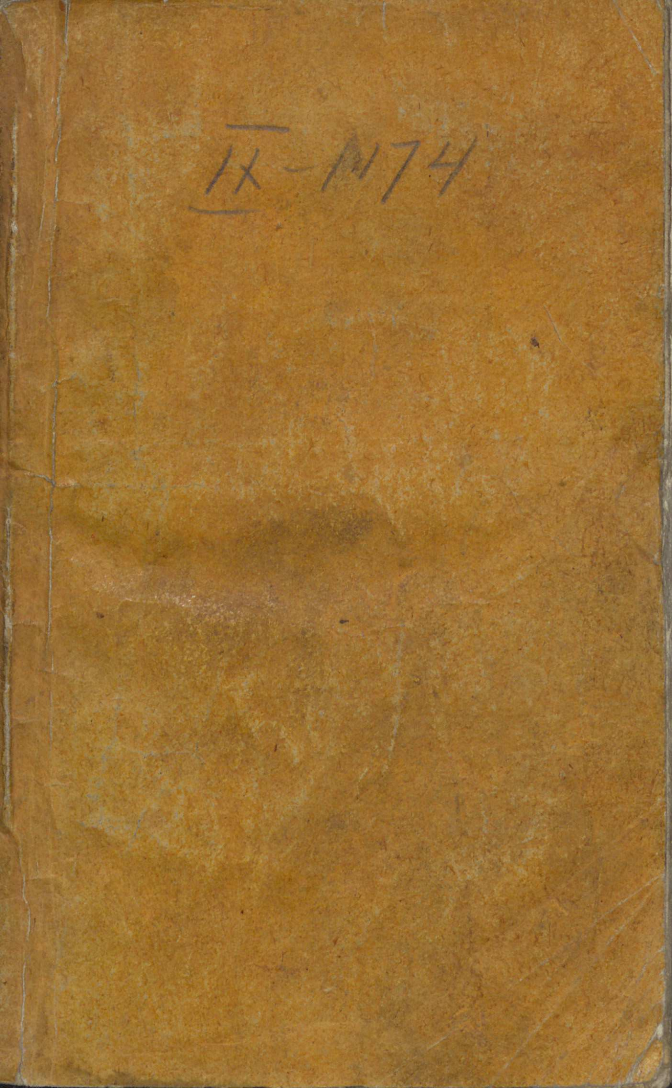

АДЕЛЬ,

ИЛИ

НЕЩАСТІЕ.

Omnia vincit Amor et nos cedamus
Amori.

Virg.

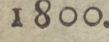

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.

Въ Губернской Типографіи

у А. Рѣшетникова.

1800.

Съ дозвол. Москов. Цензуры.

АДЕЛЬ,
или
НЕЩАСТІЕ.

Оставимъ на минуту оружіе и битвы: я хочу воспѣть мирную хижину и прекрасную младую пастушку. Да соглашу голосъ мой лучше съ пріятнымъ тономъ пастушеской свирѣли, нежели съ пронзительнымъ звукомъ воинской трубы. Кроткая весна! вдохни въ меня творческій духъ, покро-

вительствуй моей Музѣ! Соловей и малиновка прославляютъ тебя громкимъ своимъ пѣніемъ: душистыя розы, и нѣжныя лиліи украшаютъ тебя; ты покрываешъ зелеными коврами землю, жилище любви и удовольствія. Кроткая весна! воспламени меня творческимъ жаромъ! ---

Привѣтствую васъ, сельскія Божества; благословляю васъ величественныя рощи; --- И вы, коихъ пѣсни и звукъ свирѣлей раздаются по дебрямъ, пастухи и пастушки! Научите, да воспою пріятнѣе громкаго соловья, нѣжнѣе страстной горлицы. --- Научите, васъ хочу я прославлять. ---

О вы, никогда не любившіе, сердца нечувствительныя, нетрогавшіяся нещастіями подобныхъ себѣ человѣковъ; вы, кои не уронили ни единой слезы, когда повѣствовалъ я вамъ о двухъ нѣжныхъ, нещастныхъ любовникахъ ---- не читайте моего сочиненія, оно не для васъ. . . .

Среди кремнистыхъ горъ С. . . . находится уединенная долина, окруженная страшными утесами, коихъ вершины увѣнчаны мрачными соснами. Мелодія соловья никогда не прерывала царствующаго тамъ безмолвія. Никогда удары сѣкиры не отдавались въ пеще-

рахъ каменистыхъ горъ ; одни лишь пронзительные крики Фавновъ слышимы тамъ во время глубокой нощи ; солнечные лучи не проницали сквозь сію чащу , и не разсѣвали вѣчнаго мрака ; --- древніе, полусогнившіе, обросшіе мхомъ и повсюду разбросанные пни изображаютъ тлѣніе и разрушеніе вещей ; ужасные, воздымающіе вершины свои скалы, почернѣвшіе отъ руки времени , приводятъ смертнаго при воззрѣніи на нихъ въ содроганіе. ---

Чѣмъ далѣе отъ сего мѣста , тѣмъ природа представляется глазамъ пріятнѣе и величественнѣе. ---- Здѣсь видны уже сосновыя рощи , смѣшен-

ныя съ дубами и буками широколиственными. Чистый ручеекъ, орашая долину, то извивается подъ сводомъ густыхъ кустарниковъ --- убѣжищемъ птицъ, поющихъ гармоническія пѣсни; то индѣ разлившись составляетъ озеро, окруженное зеленѣющимися ивами и тополами. --- Рѣзвые зефиры играя на прозрачной поверхности, прохлаждаютъ дыханіемъ своимъ высокія горы, окружающія сіи кристальныя равнины: иногда протекая сквозь узкіе проходы утесовъ, кажется, тихимъ журчаніемъ своимъ жалуется онъ, что оставляетъ столь прелестныя мѣста: иногда низвергаясь стремительно съ высокой скалы, глухимъ

шумомъ поражаетъ слухъ странника.

Погруженный въ глубокую задумчивость шелъ я вдоль ручейка, куда глаза глядѣли; пробѣгалъ мысленно цѣпь своихъ нещастій; думалъ о нѣжной Ж. . . . съ которою я разлученъ, и можетъ быть навѣки. ----

Какъ вдругъ изъ чащи синели и орѣшника услышалъ тихій, жалостный голосъ. ---- Я остановился, слушаю, и пастухъ нѣжнымъ тономъ продолжаетъ пѣть:

Весны предвѣстникъ ужъ пріятно
Въ Аэрѣ плавая поетъ;
Дружка любезнаго обратно
На вѣтвяхъ горлица зоветъ. —

Уже сей вязъ подъ сѣнью новой
Чету скрываетъ не одну ;
Лишь мнѣ, мнѣ рокъ велитъ суровой
Страдать здѣсь всякую весну.

Когда начнетъ склонять отъ зною
Прелестный ландышь стебелёкъ,
Тогда любовникъ съ дорогою
Отъ жару скроются въ лѣсокъ.—
Но я, хотябъ съ зарей всходящей
Искалъ прохладъ въ тѣни густой,
Вотще — огонь во мнѣ горящей ,
Погаснетъ съ жизнїю одной. —

Когда осенни яры вѣтры
Дубравы станутъ обнажать —
Я буду стонъ свой съ скрыпомъ дебри ,
Со свистомъ буръ соединять.—

Какъ вихрь ужасный древо клонитъ,
И листъ несетъ съ собою вдаль,
Изъ сердца моего такъ гонитъ
Покой несносная печаль.

Когда отселѣ щебетлива
Направитъ ласточка полетъ;
Когда пастушка боязлива
Въ клева стада свои запретъ;
Ненастье, хладъ, морозы люты
Безсильны будутъ въ злѣ моемъ;
Мой духъ, какъ и въ сіи минуты
Все тѣмъ же будетъ полнъ огнемъ.

Пастухъ замолчалъ; эхо въ горахъ повторяло еще его стоны. Я продолжаю итти; подхожу къ нему; онъ меня не примѣчаетъ. Сидя на дер-

новой скамьѣ, онъ цаловалъ зеленую ленту, и орошалъ ее слезами. Увы! говорилъ онъ, ты меня обманула! цвѣтъ твой есть цвѣтъ надежды, но онъ болѣе меня не прельщаетъ. Я потерялъ надежду съ моею Аделью. Я потерялъ ее, я потерялъ: --- повторялъ онъ нѣсколько разъ. Онъ былъ неподвиженъ; взоры его устремлены были на одинъ предметъ; слезы катились градомъ изъ глазъ его. --- Я смотрѣлъ на него не говоря ни слова; смотрѣлъ долго --- трепещущее сердце мое вдругъ забилось, забилось сильнѣе: вздохи его терзали мою внутренность; я стеналъ, плакалъ вмѣстѣ съ нимъ.... Нещастные

имѣютъ чувствительную душу! . . . . О любезная Ж. . .! И такъ я тебя болѣе не увижу? . . . неужели я лишился тебя навѣки! . . . несносное напоминаніе! удались, удались отъ меня! . . . Чрезмѣрная горесть помрачаетъ мой разсудокъ! . . . Шумъ, которой произвелъ я продираясь сквозь кустарники, вывелъ пастуха изъ глубокой задумчивости. ---- Кто бы ты ни былъ, сказалъ онъ мнѣ, бѣги сихъ пагубныхъ мѣстъ; здѣсь одни нещастные обитаютъ. Увы, я злополучный, я нещастный! Пожалѣй обо мнѣ... незнакомецъ! ты плачешь. --- Слезы текли по щекамъ моимъ. Будь моимъ другомъ!....

Ахъ! нѣтъ. . . . нѣтъ, гнушайся мною; жестокій рокъ, преслѣдующій меня, угрожаетъ тѣмъ, кои любятъ, соболѣзнуютъ обо мнѣ. . . . Подойди, пойдемъ со мною. --- Я молча слѣдовалъ за нимъ. --- Я болѣе не могу плакать, продолжалъ онъ, я пролилъ уже много слезъ. . . . Мы взошли на холмъ, покрытой кипарисами и тополами. Здѣсь сказалъ Гиласъ, (это было имя сего нещастнаго) въ этомъ мѣстѣ хранится то, что всего любезнѣе, всего милѣе было для меня на свѣтѣ; мѣсто сіе посвящено любви и дружбѣ. . . . Въ тѣни печальныхъ кипарисовъ мы пришли къ подошвѣ одного утеса,

откуда вытекалъ прозрачной источникъ; густые пары, выходящіе изъ него носясь поверьхъ деревъ, составляли потомъ тонкое облако. Нѣкогда сказалъ Гиласъ, это была прекрасная рощица, птицы обитали въ ней, и наполняли окрестности своимъ пріятнымъ пѣніемъ; луга испещрялись душистыми цвѣтами..... но теперь---все пусто.

На берегу ручейка стояла древняя ива, Гиласъ подбѣжалъ къ ней; палъ на колѣни; блѣдность покрыла лице его, тяжкіе вздохи вырывались изъ его груди; онъ плакалъ. --- Это положеніе растрогало меня, я поднялъ его, и старался утѣшить. --- Видишь,

сказалъ онъ, я еще немного плакалъ: но это уже прошло. . . . Адель видѣла меня, . . . а я. . . я. . . я ее не видѣлъ. Посмотри на эту иву, сколько разъ была она свидѣтельницею моего нещастія! Адель и я . . .! теперь я одинъ прихожу стенать сюда. . . . Видишь ли ты эти слова? Я вырѣзалъ ихъ! ---

И такъ лишился я любезной,
Увы! быть можетъ навсегда!
Теперь по ней я токъ лью слезной;
А съ ней блаженствовалъ тогда.
Когда весной гроза зберется,
Польется дождь изъ облаковъ,
Прекрасна роза блекнетъ, гнется —
И упадаетъ безъ листковъ;

Мое отъ злой такъ сердце скуки
Всечасно сохнетъ, какъ она. —
Ахъ! скороль, скороль кончивъ муки,
Паду и я — мнѣ жизнь скучна!
Я скоро въ гробъ низшедши тѣсной,
Съ Аделью съединюсь своей;
Коль вѣченъ духъ ея небесной,
Льзяль кончиться любви моей?

Скажи, не должно ли мнѣ плакать? Въ младенчествѣ своемъ мы часто гуляли подъ сею ивою: тогда-то былъ я щастливъ: тутъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ... Другъ мой! ... послушай, она еще и теперь здѣсь.... Я... руки мои вырыли для нее могилу. Здѣсь всякой день я говорю съ нею...

Она слушаетъ меня.... но не отвѣчаетъ; скоро, такъ скомы соединимся....

Тутъ онъ облобызалъ иву. Прощай, сказалъ онъ, прощай любимое дерево, я скоро опять къ тебѣ приду... Онъ взялъ меня за руку, и мы вышли изъ рощицы. --- Ахъ! я позабылъ... пойдемъ, посмотримъ; я оставляю здѣсь еще друга.... Я такъ же и его лишился... Онъ теперь гораздо щастливѣе меня... онъ всегда видитъ ее... мою Адель; разговариваетъ съ нею... Я говорилъ ей много разъ, но она мнѣ не отвѣчаетъ... Посмотри, вотъ здѣсь у подошвы горы покоится прахъ милаго, нѣжнѣйшаго друга....

видишь ли ты надгробную надпись? я самъ сочинилъ и вырѣзалъ ее... Я оплакалъ своего друга.... закрылъ его глаза.... Ахъ! кто закроетъ мои?.., Кто оплачетъ меня, когда хладная смерть, столь мною желаемая... что я говорю, меня оплакать! Ахъ! тогда-то начнется мое благополучіе; начнется и никогда не окончится.... читай...

Я щастіе вкушалъ пріятной
дружбы, нѣжной,
Она отрадой мнѣ въ нещастіи
была.
Но гдѣ теперь мой другъ, товарищъ гдѣ любезной?
Онъ былъ мнѣ столько милъ,
какъ и Адель мила,

Подъ хладнымъ камнемъ симъ -
я жизнь кляну нещастну!
Лежитъ любезной прахъ въ
спокойномъ, кроткомъ снѣ.
Жестока, люта смерть зри
скорбь мою ужасну! —
Ты все похитила, что мило
было мнѣ.

Уйдемъ изъ рощи; я вижу
ты печалишься, слезы катятся
изъ глазъ твоихъ; утѣшься,
я скоро буду щастливъ. . . .
Ты знаешь, гдѣ покоится
прахъ моей любезной Адели...
Послушай: долгое время искалъ
я чувствительнаго, сострадательнаго
сердца, искалъ и не находилъ. . . . Многіе
видѣли меня подъ симъ деревомъ;
я плакалъ, . . . а они

смѣялись надъ моими слезами ; . . . ты одинъ только плачешь, ты. . . . ты меня любишь! . . . ты выкопаешь подъ сею ивою для меня могилу. Я хочу послѣдовать за своею милою Аделью. . . . Сего одного прошу я у тебя --- ; выкопаешь? --- дай мнѣ слово --- Я обѣщался. . . . Тутъ мы замолчали --- я удивлялся человѣческому жребію. Какое сдѣлалъ преступленіе этотъ молодой, чувствительной пастухъ, говорилъ я самъ себѣ, что злой рокъ осудилъ его всегда томиться, и плакать ; между тѣмъ какъ порочный богачь, погруженной въ распутства, утопаетъ въ веселостяхъ ;. . . . однако мнимое наслажденіе,

и удовольствіе богача не вѣчны, онѣ окончатся съ его жизнію... Гиласъ утѣшится за предѣлами гроба, забудетъ сіи мученія --- вѣчная радость и веселіе простираютъ уже къ нему свои объятія...

Я не смѣлъ болѣе разсуждать, не смѣлъ испытывать сокровенныхъ таинствъ Всевышняго; --- удивляясь мудрому провидѣнію преклонилъ колѣна и нѣсколько успокоился. Мы взошли на гору, съ которой можно было обозрѣть сію долину. Посмотри, сказалъ Гиласъ, на тѣ плодоносныя деревья. Видишь ли ты, вонъ тамъ мою хижину? Видишь ли мое стадо? оно кормитъ

меня ; а я его оставилъ ; оно бродитъ по лугу одно. Пойдемъ ко мнѣ ; я приготовлю для тебя ужинъ изъ молока и свѣжихъ плодовъ , и перескажу свои нещастія, ты вѣрно скажешь , что я не напрасно плачу. ---

Долина сія находилась прежде въ цвѣтущемъ состояніи. Сіи разсаженныя плодоносныя дерева и кусты украшали нѣкогда кроткую хижину , жилище мира и щастія. Но посмотри , хижина уже развалилась , все оставлено, все запущено! Тамъ жила Адель съ отцомъ своимъ Лисидомъ. Въ младенчествѣ нашемъ мы пасли вмѣстѣ на тучныхъ лугахъ свои стада , оставляя

ихъ беречь вѣрнымъ собакамъ; мы бѣгали по рощицѣ; рвали цвѣты; я выбиралъ изъ нихъ лучшіе, вплеталъ въ черные волосы моей Адели, и украшалъ грудь ея душистыми розами.... тогда сердце у ней трепетало, руки мои дрожали; мы не знали отъ чего въ насъ происходила такая перемѣна. Имя любви было намъ неизвѣстно. Адель красотою своею превосходила всѣхъ дѣвушекъ въ нашемъ селеніи. Въ большихъ голубыхъ глазахъ ея видны были нѣжность и невинное удовольствіе; она имѣла трогательный видъ; пріятный станъ Граціи; ея прелести и добродѣтели заставляли всѣхъ жителей любить

ее. Во мнѣ были также нѣкоторыя пріятности; но всегдашнія слезы помрачили красоту лица моего; отъ чрезмѣрной печали розы поблекли на щекахъ моихъ; кровь потекла медленно въ моихъ жилахъ. --- Адель была богата; а я бѣденъ. Я былъ сирота; но Лисидъ обѣщалъ за меня выдать дочь свою. Жители нашей деревушки знаютъ, что богатство не дѣлаетъ человѣка благополучнымъ. Лисидъ старался составить щастіе своей дочери; онъ обожалъ въ ней образъ любезной, добродѣтельной своей супруги, которую алчая смерть похитила у него. ---

Когда снѣгъ покрывалъ наши поля и сильные вѣтры свистѣли въ ущелинахъ горъ, наши стада были заперты въ клевахъ; --- пастухи и пастушки собирались въ вечеру къ старому Перилу.-- Тутъ каждая изъ нихъ расказывала по очереди какую нибудь исторiю. Естьли соболѣзнованiе объ оставленной любовницѣ извлекало изъ глазъ нашихъ слезы, я обращался къ своей милой Адели, увѣрялъ, клялся быть вѣрнымъ, любить ее вѣчно. Часто съ своею любезною пѣлъ тѣ пѣсни, которымъ ее выучилъ, и такимъ образомъ суровое время зимы провождали мы въ совершенномъ удовольствiи. ---

Когда кроткая весна одѣвала поля наши въ зеленую одежду, когда малиновка въ честь ея наступленія свистѣла нѣжныя пѣсни; тогда овечки, бывшія долго въ заперти, выходили на луга и своимъ блеяніемъ изъявляли радость. --- Пріятныя пастушескія пѣсни заглушали шумъ ручейковъ. Каждой пастухъ съ своею подругою гонялъ стадо свое въ уединенную рощицу. ---

Какая величественная картина! когда посмотришь на желтѣющіяся классы; на холмы, покрытые виноградными лозами; на скалы, увѣнчанныя черными соснами. --- Жат-

ва поспѣвала, а съ ней наступалъ и новой праздникъ.

Вѣтьви обремененныя зрѣлыми плодами наклонялись къ землѣ. Вишни, яблоки, груши, сорванныя моею Аделью были для меня вкуснѣе; цвѣточки въ рукахъ ея были душистѣе. . . . Пріятныя напоминанія моего младенчества, вы одни у меня остались.!

Куда улетѣли щастливыя минуты! печаль и отчаяніе заступили ихъ мѣсто! . . . . Другъ мой! я всѣхъ нещастнѣе. Адели нѣтъ! увы! . . . . лишъ одно объ ней воспоминаніе осталось со мною. Посмотри на кору сей ивы, это

я отрубилЪ отЪ ней нѢкоторую часть. ВЪ пріятныя минуты я начертилЪ на ней любимую свою пѢсню; но она послѢ дѢлала мнѢ только несносныя напоминанія. Послушай, я ее пропою.

Когда какой любовникЪ страстной,
НачнетЪ хвалиться предо мной,
Своей подругою прекрасной,
Любезной, — щастливой судьбой;
Или пастухЪ какой расхвалитЪ
Драгую сердцу своему,
Моей цѢны онЪ не умалитЪ,
Не позавидую ему. —
Скажу на то ему вЪ отвѢтЪ:
Адель мой другЪ, люблю ее.
Что можетЪ превзойти на свѢтЪ

Благополучїе мое? —
Когда пастушка здѣсь какая
Захочетъ мной любима быть,
Не можетъ страсть ея пустая
Къ тебѣ мой пламень погасить.
Я твой — забота, трудъ ея напрасенъ:
Всѣмъ, всѣмъ скажу кого плѣню:
Адель мой другъ — я ею страстенъ, —
Такъ мнитель ей я измѣню?

Увы! я лишился своей любезной! . . . Я лишился Палемона! . . . Ахъ! естьлибъ моя Адель жила теперь, она полюбилабъ тебя. . . . ты меня любишь; она была бы твоимъ другомъ . . . . Прости мнѣ, естьли я жалобами своими

скучаю тебѣ: чрезмѣрная печаль помрачаетъ мой разумъ.--

Мы росли вмѣстѣ; мнѣ было шестнадцать, а моей Адели пятнадцать лѣтъ. Палемонъ былъ мой ровестникъ .... Сердце его не было заражено любовію; онъ былъ моимъ другомъ; другомъ Адели --- сего довольно; ---- но къ чему послужила мнѣ его дружба? Безъ нея можетъ быть онъ и теперь бы еще жилъ --- былъ щастливъ.

Наконецъ моя Адель день отъ дня перемѣнялась. Она не съ такою смѣлостію расточала мнѣ невинныя свои ласки, не съ такимъ удовольствіемъ жаркіе поцалуи. Естьли успа

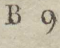
мои касались устъ моей любезной, то стыдливость покрывала розами ея щеки. Куда дѣвались щастливыя минуты нашего младенчества? ... я часто жаловался милой своей на такую перемѣну, она отвѣчала мнѣ только слезами. Я хотѣлъ пламенными поцалуями осушить ея щеки, но она отворачивалась отъ меня.

Въ одинъ день . . . о! я никогда не забуду дня сего! Адель моя сидѣла на берегу ручейка. . . . Неизвѣстный до того времени огонь воспламенилъ всю кровь въ моихъ жилахъ. Я держалъ ее за руку, пожималъ ее, целовалъ . . . . сверкающіе глаза мои орошены были горячими слезами; я

смотрѣлъ на свое Божество... на свою Адель. Что съ тобою сдѣлалось? сказала она испугавшись, что съ тобою сдѣлалось? . . . Ахъ! другъ мой, ты такъ печаленъ, такъ. . . . . . Я, не отвѣчая ничего, заключивъ ее въ свои объятія, прижималъ къ трепещущей груди своей. Она вырывается отъ меня; я удерживаю ее съ большимъ жаромъ. О другъ мой! воскликнула она повергшись къ ногамъ моимъ, ты меня любишь!. . . сжалься надъ моими слезами. . . . Пощади... ахъ! пощади меня, пощади свою подругу. Смущенный, внѣ себя, тотчасъ я поднялъ ее, не смѣлъ на нее взглянуть, дрожалъ какъ преступникъ;

обнималъ ея колѣна, просилъ у ней прощенія --- она простила меня ; --- пламенной поцалуй, въ которомъ она на этотъ разъ мнѣ не отказала, запечатлѣлъ наше примиреніе, нашу дружбу, и --- можетъ быть, любовь. --- Послушай Гиласъ, сказала она мнѣ краснѣя и отирая слезы, . . . отецъ мой говоритъ правду, *дружба раждаетъ любовь.* Мы другъ друга любимъ . . . . Любимъ! прервалъ я съ востоpгомъ. Адель горитъ ко мнѣ любовію : о щастливыя минуты! Какъ! не уже ли Лисидъ это сказалъ? ---

На другой день я стояла подлѣ хижины ; луна выходи-

ла изЪ за горЪ -- свѣтЪ ея проницая сквозь чащу тополовыхЪ вѣтьвей, колеблемыхЪ легкимЪ вѣтеркомЪ, игралЪ на гладкой поверхности озера. Все покоилось вЪ природѣ, кромѣ соловья, коего громкія трели раздавались по рощѣ... Я была погружена вЪ пріятную задумчивость --- занималась тобою. . . . Нечаянный приходЪ старца привелЪ меня вЪ содроганіе --- это былЪ Лисидъ. --- Не бойся ничего, дочь моя! сказалЪ мнѣ сей любезнѣйшій родитель, подойди ко мнѣ . . . сядемЪ здѣсь --- я исполнила его волю.

Посмотри, сказалЪ онЪ мнѣ, помолчавЪ нѣсколько, посмо-

три, какЪ спокойно озеро, какЪ чиста вода вЪ немЪ; но видишь ли тамЪ вдали поднимаются черныя тучи; скоро подуютЪ порывистые вѣтры; эхо вЪ ущелинахЪ утесовЪ повторитЪ громовые удары. Тихой ручей, увеличившийся отЪ проливнаго дождя перемѣнится вЪ быстрый потокЪ; воды его, теперь спокойныя и прозрачныя, тогда помутятся и потекутЪ сЪ шумомЪ. . . . Таково, дочь моя! таково и твое сердце; оно невинно и чисто ---- но буря страстей можетЪ вдругЪ поколебать его. Самая любовь, коей одни только невинныя удовольствія ты чувствуешь теперь, можетЪ причинить

тебѣ много печали, ввергнуть тебя въ пропасть бѣдствій.---

Приведенная въ недоумѣніе, я смотрѣла на своего отца; слушала его внимательнѣе. --- Слова мои изумляютъ тебя, дочь моя! тебѣ кажется, что сердце твое еще не заражено любовію; ахъ! узнай свою ошибку. Не дружба соединяетъ тебя съ Гиласомъ; повѣрь своему отцу; мои лѣта и нещастія сдѣлали меня опытнымъ, проницательнымъ.... Адель, ты одна привязываешь меня къ сей жизни, ты одна заставляешь меня забывать всѣ печали, всѣ болѣзни; я заботился о твоемъ младенчествѣ; внушалъ тебѣ лю-

бовъ къ добродѣтели; она одна можетъ сдѣлать тебя щастливою. Я награжденъ за нѣжныя свои попеченія; я наслаждаюсь плодами пріятныхъ своихъ трудовъ. Ты будешь утѣшеніемъ, подпорою моей старости. Любезная дочь! помни слова отца своего; будь осторожна въ любви. Я не запрещаю тебѣ любить Гиласа --- люби его, расточай для него нѣжныя свои ласки, но люби еще больше добродѣтель. --- При сихъ словахъ онъ обнялъ меня; я обѣщалась вѣчно помнить его наставленіе. . . . Вдругъ загремѣлъ громъ, небо покрылось черными тучами и мы пошли въ хижину. ---

Сколь долгою казалась мнѣ ночь сія! съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала я нашего свиданія! Едва только показалась утренняя заря, я вставала и пошла на лугъ. При каждомъ шорохѣ, при каждомъ трепетаніи листьевъ, я, думая увидѣть тебя, смотрѣла въ ту сторону, гдѣ происходилъ шумъ. Ты пришелъ. . . . я хотѣла ввѣрить тебѣ свою тайну; хотѣла, но не могла; слова замирали на устахъ моихъ, и я скрыла ее во глубинѣ своего сердца. . . . мое смущеніе подало тебѣ причину думать, что я не люблю тебя. —

Поцалуй былъ моимъ отвѣтомъ; онъ удерживалъ жало-

бы моей Адели. Мы думали, что жизнь наша будетъ всегда весела и щастлива. Мы вышли изъ рощи пламенѣя другъ къ другу большею любовію нежели прежде; я восхищался, гордился сею любовію. Я не былъ уже тотъ юноша, другъ нѣжной Адели; я былъ ея любовникъ, любовникъ любимый ею. . . . Всякой день умножалось наше благополучіе. Но вдругъ возстала буря --- и наше щастіе изчезло какъ тѣнь. . . .

Горести и отчаяніе заступили его мѣсто; онѣ вездѣ за мною слѣдуютъ; жестокій рокъ низведетъ меня во гробъ. . . . Я чувствую, что скоро уже сойду въ него. . . .

Въ сей рощицѣ поймалъ я однажды молоденькую птичку; сочинивши на сей случай пѣсню, подарилъ маленькаго невольника сего своей любезной послушай я тебѣ пропою ее:

Почто малюточка прелестна
Роптать тебѣ на жребїй свой?
Въ обьятїяхъ моей любезной
Ты сладкой обрѣтешь покой.
Адели слѣдуя примѣру,
Забудешь вѣтренность, измѣну
И вѣрной ей захочешь быть —
Иначе можно ли любить?

Но естьли у моей любеной
Хоть вздохъ амурной излетитъ,
Или уста ея прелестны
О нѣжномъ Гиласѣ твердитъ
Тебѣ съ восторгомъ милымъ
станутъ,

Скажи ей — Гиласъ не обманетъ;
И въ нѣжной пѣсенкѣ своей
Излей ей страсть души моей.

Твоя съ ней дикость умягчится.
И ты забудешь сѣнь лѣсовъ,
Изъ сердца роща истребится
И блескъ струящихся ручьевъ.
За поцалуй Адели страстной
Пичужки бросилибъ лѣса: —
Любить и вѣрнымъ быть прекрасной,
Вотъ щастье, вотъ моя краса!

Ея прелестная улыбка была моею наградою. Всякой день мы клялись любить другъ друга вѣчно. Мы не страшились измѣны; одна смерть могла насъ разлучить.... Сколь до-

рого заплатилъ я за маловременное блаженство! Въ лѣтнее время бываетъ ясное, лазуревое небо; тишина, безмолвіе царствуютъ во всей природѣ; но вдругъ находятъ тучи, поднимается сильный вѣтеръ, блеститъ молнія, гремитъ громъ. . . . Щастіе и спокойствіе предшествовали моему злополучію. Минута, долженствующая усовершенствовать наше благополучіе, была назначена. . . . Съ сей минуты начались мои мученія. Еще шесть дней и Адель была бы моей супругою. . . Дни сіи казались мнѣ вѣками, хотя провождалъ я ихъ съ своею любезною; но когда разлучался я съ нею, то въ это

время умножалась еще больше моя нетерпѣливость. . . . Наконецъ наступилъ желанный день; щастіе мое было уже подлѣ меня, но увы! злой рокъ удалилъ его.

Одна ночь отдѣляла меня отъ блаженства. . . . Ночь сія будетъ для меня вѣчною! Тайное предчувствіе пріуготовляло меня къ ужаснѣйшимъ сценамъ. Сонъ бѣжалъ далеко отъ глазъ моихъ; но едва успѣлъ я заснуть, какъ страшныя сновидѣнія нарушили покой мой. Казалось мнѣ, будто я съ Аделью шелъ въ рощицу; природа улыбалась намъ; цвѣты благоухали; птички порхая по кустамъ

пріятно пѣли --- время было прекраснѣйшее; но вдругъ небо покрылось тучами, дождь полился изъ густыхъ облаковъ. --- Прекрасной день перемѣнился въ мрачную ночь; громъ ударялъ надъ нами. . . . При блескѣ молніи мы старались добѣжать до своей хижины --- но тщетно; ручеекъ увеличившись отъ дождя, потопилъ всю нашу деревушку; вода съ ревомъ несла съ собою трупы нещастныхъ жителей. Мнѣ мнилось, я слышалъ ихъ вопли. . . . Я держалъ въ своихъ объятіяхъ Адель; но сильная буря исторгла ее у меня, и милая моя потонула въ волнахъ. . . . Я пробудился отъ страха; хладный потъ

выступилЪ изЪ моего тѣла. ВЪ отчаяніи побѣжалЪ я кЪ своей Адели; но какЪ все было благополучно, то я, возвращаясь сЪ несказаннымЪ удовольствіемЪ вЪ свою хижину, удивлялся ясности луны, плавающей на лазуревомЪ небесномЪ сводѣ. Все было погружено вЪ сладкой сонЪ. ДругЪ мой! приготовься выслушать печальную исторію, которой я былЪ свидѣтелемЪ вЪ сію пагубную ночь! . . .

Невинные жители покоились отЪ дневныхЪ трудовЪ. Хотя война свирѣпствовала вЪ сосѣдственныхЪ мѣстахЪ нашей деревушки; однако никто изЪ нашихЪ поселянЪ не

думалъ быть добычею сего опустошающаго бича. Чѣмъ больше соболѣзновали они о нещастномъ жребіи своихъ сосѣдей, служившихъ жертвою ужаса и смерти; тѣмъ живѣе наслаждались пріятностію мира, коего свирѣпая война даже до того времени не нарушала въ семъ тихомъ убѣжищѣ.

Вдругъ услышалъ я страшные крики. Пламя поднималось поверхъ хижинъ; смерть носилась надъ нашими жилищами. Плачь и стонъ невинныхъ жителей; звѣрской крикъ солдатъ: *руби*, *коли*, раздавался по всюду. Ужасный голосъ сей отзывался въ моемъ сердцѣ. . . . Тщетно мать защи-

щаетъ дочь свою; тщетно супруга проситъ, обнимаетъ колѣна сихъ разбойниковъ, дабы они пощадили жизнь ея любезнаго; ---- пораженныя роковымъ ударомъ, исторгающимъ изъ ихъ объятій предметы нѣжной ихъ любви, онѣ обѣ упадаютъ безъ чувствъ. Ни почтенныя сѣдины, ни полуобнаженная голова, однимъ словомъ, ничто не могло защитить старца отъ бѣшенства сихъ лютыхъ тигровъ --- Я тотчасъ полетѣлъ къ своей Адели. Обливаясь слезами она поддерживала руками своими стараго Лисида. Уже убійцы готовы были окрававленными своими мечами пронзить грудь его;

но отчаяніе прекрасной Адели удержало сіи роковые удары. Сколь ужасное зрѣлище для любовника! . . . Ничто не могло удержать меня. . . . Не внимая воплю своей любезной я бросаюсь въ толпу разбойниковъ; вырываю у одного изъ нихъ смертоносное желѣзо, вонзаю въ его грудь; другіе упадаютъ отъ моихъ ударовъ. . . . Ты видишь, я даже и теперь съ жаромъ воспоминаю о тѣхъ нещастныхъ твореніяхъ, которыхъ рука моя принесла въ жертву мщенію. . . . Сіи варвары содѣлали мое злополучіе. . . . Но можно ли было мнѣ одному противиться толпѣ не истовствующихъ? . . .

полумертвѣ палѣ я на тѣло Лисида; его бѣло-снѣжные волосы омочены были кровію, которую пролилѣ я для спасенія его жизни. --- Злодѣи подумали, что я былѣ мертвѣ.

Уже день начиналѣ освѣщать сіе ужасное зрѣлище. Разбойники, опустошивѣ нашу деревушку, убѣжали до восхожденія солнца. Я лежалѣ вѣ безпамятствѣ. . . . Наконецѣ прохладительная роса и сильная боль привели меня вѣ чувство. Вѣ недоумѣніи приподнялѣ я слабую, отягченную болѣзнію голову --- и смотрѣлѣ сѣ величайшею горестію на предметы, окружавшіе меня. Блѣдныя, окро-

вавленныя тѣла нещастныхъ разбросаны были повсюду; деревушка еще дымилась. Я хотѣлъ встать и бѣжать отъ такого зрѣлища; но будучи безсиленъ опять упалъ. Тутъ вспомнилъ я о всѣхъ злополучіяхъ, вспомнилъ и почувствовалъ во всей силѣ ужасъ, отчаяніе и не прерывную цѣпь моихъ злополучій.... я былъ въ домѣ Адели; тщетно глаза мои искали милой моему сердцу; я глядѣлъ печально на окровавленное и обезображенное тѣло Лисида. Варвары похитили мое сокровище! напрасно призывалъ я Адель. Силы мои ослабѣли; ея имя исчезало на устахъ моихъ. Я стеналъ, дрожалъ, и отъ

слабости опять упалЪ на землю. ВЪ надеждѣ скоро умереть, я не удерживалЪ крови, текущей изЪ ранЪ моихЪ; глаза мои помутились. Я рѣшился сЪ жизнію окончить свои мученія. Едва произнесЪ я имя Адели; едва только успѣлЪ сказать: *Адель! я люблю тебя*; какЪ мрачное облако простерлось надо мною, и я опять лишился чувствЪ.---

ДругЪ мой! скоро наступитЪ ночь, уже птицы ищутЪ безопаснаго убѣжища; заходящее солнце бросая сквозь облака, окружающія его, слабые лучи, позлащаетЪ вершины горЪ и деревЪ. Завтра оно взойдетЪ величественнѣе;

лучи его, отражаясь въ утренней росѣ, будутъ блистать во многоразличныхъ цвѣтахъ; птицы пріятнымъ пѣніемъ своимъ прославятъ его возвращеніе. Я всегда буду обливаться горькими слезами; свѣтъ моей жизни помрачается, какъ солнце въ черныхъ тучахъ. . . . Скоро, скоро уже наступитъ радостный для меня часъ; смерть, раздѣляющая меня съ Аделью, соединитъ меня съ нею на вѣки. Такъ, другъ мой! тѣнь ея носится надъ нами, она видитъ насъ, видитъ мои слезы и улыбается, она зоветъ меня. . . .

Но вотъ, дождь начинаетъ уже итти. Пойдемъ въ хижи-

ну, и подкрѣпимъ силы свои умѣренною пищею. --- Гиласъ облобызалъ еще нѣсколько разъ могилу своей Адели, и мы рощею пришли къ его хижинѣ.--- Посмотри на сію изсохшую траву; она служитъ мнѣ постѣлью; я всегда орошаю ее слезами. Эти плоды и молоко --- моя пища; столъ мой очень бѣденъ для тебя! ---

Разосланная на полу ценовка служила мнѣ постелью. Тщетно хотѣлъ я заснуть; сонъ бѣжалъ далеко отъ глазъ моихъ: во всю ночь я слышалъ тяжкіе вздохи, вырывавшіеся изъ груди Гиласа. Я плакалъ, стоналъ вмѣстѣ съ нимъ ---. Предъ разсвѣтомъ я уснулъ;---

но сонъ мой не долго продолжался.---До восхожденія солнца я вышелъ изъ хижины; искавши долго Гиласа, наконецъ я его увидѣлъ сидящаго подъ ивою; слезы текли по лицу его, и онъ пѣлъ слабымъ голосомъ:

Прелестна рощица, прозрачной ручеекъ;
Свидѣтели моихъ протекшихъ ясныхъ дней,
И ты усѣянный фіалками лужокъ,
Слезой горячею омоченный моей,
Прощайте! --- я на вѣкъ хочу оставить свѣтъ,
И скоро удалюсь отъ вашего предѣла,
Туда, гдѣ Геній мой, души моей предметъ.

Спѣшу я въ мрачной гробъ —
меня зоветъ Адела.

Я болѣ не узрю багряныя Авроры —
Какъ лучь она простретъ на
рощи и на горы,
И яркимъ свѣтомъ всѣ предме-
ты обольетъ —
Какъ роза, василекъ и ландышъ
расцвѣтетъ,
Не буду слышать я, какъ ру-
чеекъ журчанье
Съ моими стонами здѣсь будетъ
съединять,
И страстной горлицы уныло
воркованье
Мнѣ сердца горестью не будетъ
наполнять.

Гиласъ скоро меня примѣ-
тилъ: прежде утренней зари,

сказалъ онъ мнѣ, я прихожу сюда оплакивать свою Адель. . . . Кажется я вижу восходящее солнце уже въ послѣдній разъ. . . . душа моя, соединившись съ душею Адели, составитъ одну . . . одни злые боятся смерти, и трепещутъ, когда она придетъ къ нимъ. Я всегда былъ добрымъ и нещастнымъ; и такъ я съ улыбкою встрѣчаю смерть. Съ начала моего нещастія я восходилъ на вершину горы, и громко призывалъ къ себѣ Адель. Пещера въ горѣ была мое жилище, стенанія мои смѣшивались съ страшнымъ крикомъ филина. Силы мои день отъ дня уменьшаются; я не могу уже болѣе восходить на горы

исходить въ глубокіе вертепы.

Ты уснулъ, и я, боясь нарушить твой покой, съ великимъ трудомъ дошелъ до сего мѣста; здѣсь хочу я умереть. Но ты вѣрно хочешь, чтобы я досказалъ тебѣ свою печальную исторію; сядь подлѣ меня, я не могу громко говорить....

Я не знаю, что происходило во время моего безпамятства; пришедши въ себя, я смотрѣлъ на все, но ничего не видалъ; я не узналъ Палемона, которой нѣжными попеченіями привелъ меня въ чувство. Онъ выжималъ изъ нѣкоторыхъ цѣлительныхъ растѣній сокъ и примачивалъ имъ мои раны. Тутъ почувствовалъ я чрезмѣрную боль. Горесть и

отчаяніе овладѣли мною. ---- Жестокой другъ! вскричалъ я, ты возвращаешь мнѣ жизнь; возвратижъ мнѣ и мою Адель; безъ нее жизнь для меня будетъ несноснымъ мученіемъ. Ахъ! за чѣмъ помогалъ ты мнѣ? я былъ щастливъ, незналъ сихъ.... Увы, варвары похитили мою Адель! можетъ быть.... Ахъ! можетъ быть, она умерла отъ рукъ сихъ злодѣевъ. Другъ мой! я хотѣлъ соединиться съ нею; наслаждаться блаженствомъ, жить всегда вмѣстѣ; но ты заграждаешь мнѣ путь къ щастію. Оставь меня умереть, или возврати мнѣ мое божество.

Палемонъ обливался слезами. --- Будь спокоенъ; мы сы-

щемЪ твою Адель; мы найдемЪ ее. НѢтЪ, я потерялЪ ее, лишился! они похитили ее при моихЪ глазахЪ; мнѢ еще и теперь живо представляется, какЪ она упрашивала сЪ воплемЪ разбойниковЪ, что бы они пощадили Лисида, ея отца... Я причиною ея смерти. БезЪ меня, такЪ, безЪ меня они смягчились бы ея слезами, мое мщеніе, бѢшенство ... стоило ей жизни. --- Адель твоя живетЪ еще.... позволь мнѢ вылѢчить твои раны, мы сыщемЪ, вѢрно сыщемЪ ее.... Я видѢлЪ, что солдаты увели ее сЪ собою. ---

А ты, ПалемонЪ, какЪ могЪ спастись отЪ ихЪ лютости? ---

Едва успѣлъ я заснуть, какъ вдругъ ужасный крикъ разбудилъ меня. Я увидѣлъ всю деревню въ огнѣ --- убитыхъ жителей. Что мнѣ осталось одному дѣлать? И такъ я убѣжалъ въ лѣсъ. По нѣкоторомъ времени вопль утихъ; я заключилъ, что разбойники оставили нашу деревушку. Изъ скрытнаго своего убѣжища я надсматривалъ за ними, не будучи ими примѣченъ, и видѣлъ въ ихъ рукахъ твою Адель. Узнавъ, что они удалились, я возвратился въ деревушку. По долгомъ исканіи я нашелъ тебя окровавленнаго; почитая тебя мертвымъ, я плакалъ надъ тобою; но тяжкій вздохъ, вылетѣвшій изъ

твоей груди, обнадежилЪ меня. УсугубивЪ свои старанія, я возвратилЪ тебѢ жизнь. ---- ДругЪ мой! побѢжимЪ за сими варварами; я брошусь кЪ ногамЪ, буду просить у нихЪ своей любезной; они тронутся моими слезами. . . . Но увы! силы мои слабѢютЪ. --- Хорошо, ПалемонЪ, лѢчи меня; потомЪ я полечу по слѢдамЪ Адели и найду ее; мы будемЪ еще щастливы.

Скоро раны мои зажили, ПалемонЪ каждой день оббѢгалЪ сосѢдственныя мѢста; а я, оставаясь вЪ долинѢ, оплакивалЪ свою милую --- однако все еще льстился пріятною надеждою увидѢть ее и быть бла-

гополучнымъ. На зарѣ я восходилъ на эту высокую гору-- смотрѣлъ на край долины, просиживалъ тамъ до ночи, ожидалъ Палемона, онъ возвращался; --- но возвращался одинъ.

Однажды я тщетно ожидалъ его. Темная ночь скрывала уже отъ глазъ моихъ всѣ предметы, а я все еще былъ на горѣ. Утренняя заря застала меня на томъ же мѣстѣ, я провелъ сей день въ величайшемъ безпокойствѣ. Наступилъ опять вечеръ, но я не видалъ Палемона. Прошло нѣсколько дней; другъ мой не возвращался. Недоумѣніе и печаль сильно овладѣли мною; я разсматривалъ глубокую

пропасть, находившуюся подъ моими ногами. Прежде взоръ мой терялся въ ней съ ужасомъ, но во время моего нещастія я почиталъ сію бездну единственнымъ убѣжищемъ отъ угнѣтающихъ меня злоключеній, лучшимъ средствомъ окончить свои мученія... При всемъ томъ слабый лучь надежды все еще блисталъ въ душѣ моей; я былъ нѣкогда щастливъ, сего довольно для моего утѣшенія. Можетъ быть, о лестная надежда!... Изнуренный печалію и безсонницею, я уснулъ наконецъ крѣпко. Представь себѣ чрезмѣрную мою радость; пробудившись я нахожусь въ объятіяхъ Адели. Не во снѣ ли это?... я еще и

теперь сомнѣваюсь; но жаркіе поцалуи моей любезной увѣрили меня, что я въ самомъ дѣлѣ былъ щастливъ: я вижу ее послѣ долговременной, мучительной разлуки..,. Ты вѣрно любилъ; твое чувствительное сердце достойно наслаждаться пріятностями сей страсти ... несвязныя слова, прерывающіяся радостными восторгами; слезы, пламенные поцалуи. . . . вотъ все, что происходило между нами въ сіи щастливыя минуты. --- Я обнималъ попеременно, то своего друга, то свою милую. Мы всѣ трое оплакали смерть Лисида, но наши слезы скоро были осушены, миръ и спокойствіе заступили ихъ мѣсто.

Мы знали, что сей почтенный старикъ былъ добродѣтеленъ, что онъ заботился и жилъ только для насъ.

По томъ мы пошли къ хижинѣ. Приближаясь къ рощицѣ, мы, воспоминая о прошедшихъ нашихъ нещастіяхъ, чувствовали, что наши сердца бились сильно. Присутствіе любовницы украшаетъ природу. Синель и роза благоухали въ это время пріятнѣе; мелодія птицъ казалась нѣжнѣе. Тамъ подъ самбукомъ, коего чаща была перемѣшена съ цвѣтущимъ шиповникомъ, сидѣла Адель; я прижималъ руку ея къ трепещущей груди своей, другою рукою она перебирала

мои волосы. Палемонъ сидѣлъ подлѣ насъ, и радовался нашему благополучію. Мы нѣсколько минутъ молчали ; но наши взоры выражали лучше нашу радость, наше удовольствіе.-- Другъ мой ! сказалъ я наконецъ Палемону, скажи мнѣ, какой щастливой случай открылъ тебѣ жилище моей любезной ! --- Удалившись отъ тебя въ послѣдній разъ я рѣшился привести съ собою твою Адель, или послѣ многихъ поисковъ возвратиться , дабы раздѣлять горести и печали, дабы умереть вмѣстѣ съ тобою. Обѣгая цѣлые два дни рощи и горы , я громко кликалъ Адель ; эхо отвѣчая на мой голосъ повторяло въ отдален-

ныхъ горахъ ея имя. Жители сихъ мѣстъ удивлялись, увидѣвъ у себя чужестранца; они собрались возлѣ меня; я разсказалъ имъ твои нещастія, спрашивалъ о твоей Адели. Они тронулись моими жалобами, и сказали, что ее не видали. На третій день я заблудился въ лѣсу; солнце уже заходило; думая, что нахожусь далеко отъ селенія, я, ища какой нибудь пещеры, дабы провесть въ ней наступающую ночь, нечаянно увидѣлъ пасущееся стадо. Искавши долгое время пастуха, наконецъ услышалъ въ рощѣ пріятной голосъ; такое неожиданное дѣйствіе привело меня въ со-

дроганіе, я остановился и слышалЪ сіи слова:

Я тщусь печальнымЪ гласомЪ эху
Свое мученье возвѣщать.
Но можетЪ ли оно утѣху
Мнѣ вЪ горести моей подать?
Кто Гиласа, кто мнѣ драгаго,
Кто душу бѣдной возвратитЪ?
АхЪ, сколь я вЪ немЪ лишилась много!
Мнѣ лучше бы теперь не жить.
НѣтЪ вЪ свѣтѣ большаго мученья,
КакЪ оставаться безЪ того,
НаходимЪ вЪ комЪ мы утѣщенья,
И любимЪ болѣе всего.

Адель стенаетЪ безпрестанно:
Едва заря всходить начнетЪ,

Едва наступитъ ночь туманна,
Она уже тебя зоветъ.
Взгляни изъ гроба Гиласъ милый,
Какъ другъ твой плачетъ о тебѣ.
Мнѣ жизнь тяжка — мой духъ унылый
Твоей завидуетъ судьбѣ. —
Нѣтъ въ свѣтѣ большаго веселья,
Какъ намъ соединиться съ тѣмъ,
Находимъ въ комъ мы утѣшенья,
Живемъ и дышемъ только кѣмъ.

Извѣстный тонъ, выраженія пѣсни, все увѣряло меня, что это была Адель. Подходя потихоньку къ тому мѣсту,

откуда слышенъ былъ голосъ, я, сквозь кусты, увидѣлъ ее лежащую на травѣ; слезы лились изъ глазъ ея; облокатясь рукою она нѣсколько закрывала свое лице; прелестныя, разцвѣтавшія на щекахъ ея розы, которымъ прежде столько удивлялись, отъ чрезмѣрной печали нѣсколько увяли -- сколь прекрасною дѣлала ее блѣдность! Естьли бы я не видѣлъ въ ней любовницы Гиласа, то сердце мое въ первой разъ воспламенилось бы любовію. Въ таковомъ положеніи я смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ. Она меня не примѣчала. Я назвалъ ее по имени; испугавшись она хотѣла бѣжать; но скоро узнавъ меня бросилась въ мои объятія....

Другъ мой! воскликнула она, онъ умеръ, ахъ, скажи, онъ умеръ! . . . Всхлипыванія прервали слова ея --- она болѣе ничего сказать не могла. лице мое орошено было ея слезами. Растроганный, я ничего не отвѣчалъ ей. --- Адель, сказалъ я ей собравшись съ силами, будь спокойна; Гиласъ еще живъ. Едва окончилъ я сіи слова, какъ она лишилась чувствъ. Онъ живъ еще! вскричала она, пришедши въ себя, исполнена больше недовѣрчивости, нежели радости. Ахъ! Палемонъ . . . . не обманывай меня. ---- Увѣряю тебя, другъ мой: Гиласъ живъ еще, и живетъ для тебя только. --- Онъ живъ! . . . гдѣжъ онъ? Ахъ!

для чего я не вижу его съ Палемономъ? Побѣжимъ, полетимъ къ нему... но постой; отдохнемъ не много въ деревушкѣ.... Онъ живетъ, любитъ еще Адель. Я забываю всѣ свои горести, всѣ печали. Сказавъ сіе она тотчасъ собрала свое стадо и мы пришли въ селеніе. Она хотѣла, чтобы я сто разъ повторилъ, что Тиласъ живетъ, и живетъ для того, чтобъ вѣчно любить ее. Она оплакала смерть добродѣтельнаго отца своего.

На другой день мы отправились въ путь. Молодые пастухи, разставаясь съ нею печалились --- всѣ любили Адель. Прекрасныя пастушки плака-

ли также; но онѣ надѣялись, что отсутствіе Адели возвратитъ имъ сердца ихъ любовниковъ. Вотъ какъ я привелъ къ тебѣ твою милую; я радъ, щастливъ, видя тебя благополучнымъ. --- Прижавъ Палемона къ волнующейся груди своей, я спросилъ у Адели, какъ спаслась она отъ рукъ разбойниковъ, какой щастливой случай доставилъ ей убѣжище въ не дальномъ разстояніи отъ сей долины. ---

Другъ мой, сказала она, ты самъ знаешь сію злополучную ночь, содѣлавшую насъ нещастными. Увидя тебя повергшагося къ моимъ ногамъ, я упала въ обморокъ. Злодѣи

повлекли меня съ собою ; послѣ долгаго безпамятства, я открыла глаза. Желая лучше быть въ прежнемъ состоянiи, я тщетно старалась закрыть ихъ навѣки. Тутъ снова почувствовала я всю жестокость злополучiй. Кровь замерзла въ жилахъ моихъ, слезы полились ручьями изъ глазъ моихъ. Я призывала съ воплемъ Гиласа ; тираны смѣялись надъ тщетными моими усилiями, надъ моимъ отчаянiемъ. Тигры сiи, окруживъ меня, шли два дни до своего убѣжища. Они представили меня своему начальнику. Онъ былъ человѣкъ молодой, вспыльчивой, и неумѣренной въ страстяхъ своихъ. Я трепетала,

узнавъ какое дѣйствіе произвели въ его сердцѣ оставшіяся мои прелести. Нѣсколько разъ проклинала я сію пагубную красоту, которая прежде для меня была безцѣнна, безцѣнна по тому, что она тебѣ нравилась. Онъ хотѣлъ обольстить меня; прозьбы, старанія, угрозы, все было употреблено --- и все тщетно. Чего мнѣ было страшиться?... Смерти? --- я сама ее искала, посредствомъ ея я могла соединиться съ своимъ Тиласомъ, коего окровавленный образъ всегда представлялся глазамъ моимъ. Я согласилась бы лучше тысячу разъ умереть, нежели быть однажды ему невѣрною.

Сей молодой человѣкъ удивился моей твердости; я пересказала ему свои злополучія; мои слезы, мои стенанія, мое отчаяніе тронули его. --- Поди, сказалъ онъ, молодая пастушка! поди, возвратись на свою сторону; я тебя болѣе не удерживаю. . . . Ахъ! я почелъ бы себя самымъ благополучнымъ, естьлибы сердце твое еще никъ кому не пылало любовію! можетъ быть своею заботливостію, ревностію и услугами я пріобрѣлъ бы отъ тебя уваженіе, дружбу, и --- естьли можно сказать, любовь твою. Я не хочу больше тебя удерживать -- ты свободна. . . . Лучше бы было, есть-

ли бы я тебя никогда не видалъ! сердце мое до сего времени было праздно... но теперь я страстно влюбленъ... тебя обожаю; но я уважаю твою непорочную любовь, жалѣю о твоихъ нещастіяхъ, о твоемъ смущеніи. --- Я повергласъ къ ногамъ его, обнимала его колѣна, орошала ихъ слезами. --- Какъ завидую я участи Гиласа, сказалъ молодой начальникъ; онъ былъ щастливъ. Есть бы можно было пріобрѣсть мнѣ благосклонность твою; я ничего не пощадилъ бы для сего, я повергъ бы къ ногамъ твоимъ всѣ свои сокровища, отдалъ бы тебѣ свою руку, сердце, и пожертвовалъ бы жизнію сво-

ею для малѣйшаго твоего удовольствія. . . Надобно думать, что Гиласъ былъ довольно милъ , любезенъ ; когда обладалъ сердцемъ столь добродѣтельной , столь прекрасной пастушки ! . . .

При сихъ словахъ слезы полились изъ глазъ его --- онъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно удалился отъ меня.

Несказанно удивленная и растроганная великодушнымъ поступкомъ, я, питая въ сердцѣ своемъ почтеніе, благодарность и признательность къ своему избавителю, удалилась отъ тѣхъ мѣстъ.

Я была на свободѣ ; но не знала , въ какую сторону дол-

жно мнѣ было итти. Думая, что ты уже умерЪ, я не хотѣла возвращаться вЪ долину, гдѣ всѣ предметы, напоминая о прошедшемЪ моемЪ благополучіи, умножали бы еще больше мое смущеніе и печаль. Дошедши до сихЪ горЪ я кликала тебя, эхо вЪ лѣсахЪ далеко повторяло твое имя.

Однаждывъ вечеру, какЪ я лежала вЪ ближней отЪ деревушкѣ рощицѣ, украшенный сѣдинами старецЪ подошелЪ ко мнѣ; --- взоры его внушали кЪ нему довѣренность и почтеніе. Я разсказала ему свою исторію. Чужестранка, сказалЪ онЪ, я жалѣю о твоемЪ жребіи, жалѣю, что горести

помрачаютЪ прекрасные дни твоей жизни; поди вЪ мою хижину, ты вЪ ней можешь нѣсколко успокоится. Смерть, продолжалЪ онЪ, похитила у меня супругу, похитила драгоцѣнный залогЪ нѣжной нашей любви. Я живу здѣсь одинЪ; останься у меня; будь любимою моею дочерью. Я уже старЪ и не могу болѣе ходить за своимЪ стадомЪ; помогай мнѣ: будь единственною подпорою моей старости. Когда смерть окончитЪ дни моей жизни, ты закроешь глаза мои. Я богатЪ, будь моею наслѣдницею. --- Я приняла сЪ благодарностію его предложеніе. Всякой день гоняла я на паству стадо сего добродушнаго стар-

ца. Онъ любилъ меня какъ дочь свою; я, казалось, нашла въ немъ достопочтеннаго Лисида, дражайшаго отца своего.

Живучи не далеко отъ тебя, я оплакивала смерть твою. Ты былъ гораздо щастливѣе меня, ты плакалъ о моемъ отсутствіи; у тебя оставалась еще надежда, а у меня -- вѣчная только къ тебѣ любовь.

Я провождала дни въ той рощицѣ, гдѣ Палемонъ нашелъ меня; она походила на любимую моему сердцу рощицу, тамъ былъ ручеекъ, гора и тѣнь. Одного тамъ не доставало, и сіе одно было для меня

все. . . . Я не видала Гиласа. Каждый день я оплакивала смерть твою --- Наконецъ увидѣла Палемона, увидѣла -- и всѣ мученія мои пресѣклись, слезы мои осушились, печаль и горесть моя перемѣнились въ радость и веселіе.

Я не безъ грусти разсталась съ добродѣтельнымъ Ремиссаромъ; онъ меня удерживалъ. --- Дочь моя, сказалъ наконецъ сей добродушный старикъ, не забудь меня, не оставь того, котораго называла ты отцомъ своимъ. Я не могу охуждать тебя за то, что ты меня оставляешь, спѣшишь увидѣться съ своимъ Гиласомъ; безъ сомнѣнія онъ достоинъ любви

твоей. Поди дочь моя, продолжалъ онъ со слезами, поди и составь щастіе твоего Гиласа; но возвратись съ нимъ ко мнѣ, возвратись закрыть глаза своему старому другу..... Скажи, можно ли мнѣ льститься надеждою еще увидѣть тебя? Его нѣжныя жалобы растрогали меня; но мнѣ не можно было остаться при немъ.

Я спѣшила увидѣться съ тѣмъ, котораго любила больше самой себя; забывала все, и просила Палемона, какъ можно скорѣе, отправиться въ путь. Мы перешли, или лучше сказать, перелетѣли сей лѣсъ и высокія, крутыя горы. Любовь, нѣжная, пламенная любовь

ободряла меня, укрѣпляла ослабѣвавшія мои силы --- мы шли, бѣжали долго, и --- наконецъ я увидѣла сію долину, увидѣла и забыла всѣ свои бѣдствія и трудности. Сколь длинною показалась мнѣ дорога сія! Съ трепетомъ я вступила въ твою хижину --- ты покоился въ объятіяхъ сна --- мечталъ обо мнѣ; --- повторялъ нѣсколько разъ мое имя. --- Слезы полились изъ глазъ моихъ, сердце мое забилось, забилось сильнѣе, когда я увидѣла блѣдное лице твое; когда увидѣла, что чрезмѣрная печаль изнурила тебя. . . . Прости, милой, любезной Гиласъ, прости мнѣ, естьли я была причиною твоего нещастія.

Такимъ образомъ Адель окончила исторію свою, въ продолженіи которой я обнималъ ее, прижималъ къ волнующейся груди своей, расточалъ предъ нею свои ласки, изъявлялъ свою радость и восторгъ. Лисидъ хотѣлъ, чтобы мы жили одинъ для другаго; я настаивалъ, дабы Адель скорѣе исполнила волю отца своего, но она не смотря на мои прозьбы и жалобы, хотѣла провесть еще нѣсколько дней въ печали, хотѣла оплакать добродѣтельнаго отца своего.

Каждой день мы ходили въ сію рощицу, каждой день возрастала наша радость, наше

благополучіе. Но увы! дни нашего щастія прошли, какЪ сонЪ; куда дѣвались они? Послушай, я сочинилЪ тогда для своей любезной пѣсню --- она наградила меня за нее сладостными поцалуями.

Оставьте древЪ верхи высоки
Пѣвцы весенни, соловьи,
Слетите вЪ пѣсняхЪ взять уроки
ВЪ мѣста щастливыя сіи —
Адель поетЪ — какЪ нѣжны трели!
О! кто изЪ васЪ ихЪ перейметЪ?
Но не завидуйте Адели,
Что лучше васЪ она поетЪ.
Зефирами полураскрыты,
Ничто вЪ глазахЪ моихЪ цвѣты.

Какой Аделины ланиты
Не превосходятъ красоты?
Увянте розы и лилеи
Предъ ней на вашихъ стебелькахъ.
Адель предъ вами столь милѣй,
Сколь милы вы въ другихъ цвѣтахъ.

Какъ быстро пролетѣли минуты моихъ восхищеній! Подобно какъ на берегу тихой, но глубокой рѣки представляется пріятное мѣстоположеніе, испещренное различными цвѣтами; прекрасной ландшафтъ прельщаетъ глаза странника; онъ останавливается и отдыхаетъ здѣсь; вѣтвистыя ивы защищаютъ его отъ солнечнаго зноя... Вдругъ

берегъ обрушивается, пучина водъ, подмывшая его поглощаетъ все... Таково было щастіе, коимъ я наслаждался. . . .

Минута, назначенная Аделью, приближилась. Злой рокъ, преслѣдовавшій меня, увеличивалъ мое блаженство для того, дабы я тѣмъ съ большею жестокостію восчувствовалъ постигшій меня ударъ. Ахъ, другъ мой! Адель моя умерла, а я остался, остался одинъ!... Два года уже какъ она тамъ. . . . Каждый день восходящее солнце видитъ меня плачущаго на ея могилѣ; часто въ безсиліи я повергаюсь и цалую прахъ, покрывающій драгоцѣнной предметъ нѣжной моей любви. . . Послушай и плачь со мною....

Вѣ одинѣ день я возвращался изѣ рощицы; Адель опиралась обѣ меня; руки ея дрожали; она была такѣ слаба, такѣ слаба... лице ея разгорѣлось; глаза ея были томны; взгляды свирѣпы и пламенны; ея дыханіе было частое и тяжелое. Милая моя, что сѣ тобою сдѣлалось? спросилѣ я у нее. --- Она отвѣчала мнѣ не вразумительными и прерывистыми словами; чрезмѣрный жарѣ помѣшалѣ ея разсудокѣ. . . . Палемонѣ тотчасѣ узналѣ опасность.--- Сѣ той самой минуты онѣ своими разговорами приготовлялѣ меня кѣ угрожавшимѣ нещастіямѣ; другѣ мой напрасно терялѣ слова; я ни-

мало его не слушалъ. Я занимался Аделью; слабые, тусклые глаза ея не узнавали меня болѣе. Въ одно время она разговаривала со мною хорошо; вдругъ, отталкивая меня съ ужасомъ, призывала съ великимъ крикомъ Гиласа. Я ни на одну минуту не покидалъ ее, вбиралъ въ себя пламенное ея дыханіе; тщетно хотѣлъ я, чтобы мою внутренность пожиралъ снѣдавшій ее огонь. Я называлъ Адель своею супругою; но она не разумѣла меня. . . . Наконецъ въ третій день. . . . о другъ мой, какъ могъ я перенесть мою печаль, мое отчаяніе! . . . въ день злополучнѣйшій для меня — она скон-

чалась . . . а я, я еще до сихъ порЪ влачу жизнь свою; я прижималЪ ее кЪ стѢсненной груди своей; увы! уже не было болѢе моей Адели; я обнималЪ только хладный и бездушный трупЪ ея. . . . Ты видишь . . . горесть, мученія мои теперь уменьшились. . . . Я предаюсь только пріятной, сладостной меланхоліи. . . . Я видѢлЪ какЪ умирала Адель, видѢлЪ--- и самЪ остался живЪ. Тогда на моемЪ лицѢ не видно было ни малѢйшаго признака печали; я не уронилЪ ни одной слезы, не испустилЪ ни единаго вздоха; сердце мое облилось кровію, чрезмѢрныя горести овладѢли моею душею, и здѢлали меня же-

стокосердымъ, безчувственнымъ.

Однако я не долго былъ въ семъ положеніи. Гнѣвъ, бѣшенство и отчаяніе возгорѣлись во мнѣ. Я обвинялъ всѣ существа . . . мнѣ казалось, все участвовало въ смерти моей Адели. Я ни кого не зналъ, всего чуждался. . . . Палемонъ . . . . другъ мой, сдѣлался жертвою моего неистовства . . . невольные стоны и жалобы вырывались изъ груди его. ---- Растроганный скромными дружескими упреками, я палъ къ ногамъ его и просилъ у него прощенія. Я бросилъ смущенный и боязливый взоръ на Адель; ярость

и безуміе воспламенили мою внутренность. Я смотрѣлъ свирѣпыми глазами на смертную блѣдность, покрывавшую розовыя щеки моей милой. Чрезмѣрная тоска, ужасъ и отчаяніе изображены были на лицѣ моемъ. Я долго не могъ плакать; сверкавшіе глаза мои изсушали появлявшіяся слезы; наконецъ онѣ полились ручьями и погасили пламень, пожигавшій мою внутренность.

Съ того самаго времени въ слезахъ своихъ я нахожу отраду и утѣшеніе.... Прости мнѣ, естьли я наскучилъ тебѣ столь долгою, печальною повѣстію. Воспоминая съ

великимъ удовольствіемъ о претерпѣнныхъ мною злополучіяхъ, я съ радостію ожидаю окончанія своихъ мученій.

Палемонъ вырылъ Адели могилу. Много стоило ему труда отвесть меня отъ нея. Цѣлые два дни провелъ я подъ сею нвою, безпрестанно плакалъ, стоналъ, разгребалъ землю, покрывающую прахъ моей любезной Адели. Я хотѣлъ, чтобы все восчувствовало столь драгоцѣнную для меня потерю. Я ничего не пощадилъ. . . . Прежде въ сію рощицу налетало множество птичекъ; цвѣты, самбукъ и шиповникъ наполняли ее пріятнымъ ароматич-

ческимъ запахомъ. . . . Но послѣ я разогналъ пернатыхъ малютокъ; искоренилъ плодоносныя деревья и насадилъ, на мѣсто ихъ, печальныхъ кипарисовъ. . . Посмотри, какъ скоро они растутъ на сей землѣ, орошаемой горькими моими слезами! Погрузившись въ мрачную задумчивость, я по цѣлому дню прохаживалъ по этимъ скаламъ. У меня оставался одинъ только Палемонъ; онъ жалѣлъ, заботился обо мнѣ; но алчная смерть исторгла и его изъ моихъ объятій. Стараясь всячески продолжить жизнь умиравшей Адели, онъ отъ чрезмѣрной горести сильно занемогъ, и--- умеръ. Сей добродѣтельный

другъ просилъ меня, дабы я обѣщался беречь свое здоровье. Я далъ слово --- и сдержалъ его. Не уже ли ужасная печаль, снѣдающая мою внутренность не въ состоянiи будетъ сократить горестныхъ дней моей жизни!

Ахъ! другъ мой, я чувствую .... чувствую слабость .... Скоро хладная смерть закроетъ глаза мои .... сдержи свое обѣщанiе .... Послѣ смерти Адели я столько полюбилъ это мѣсто ... Здѣсь покоится мирной прахъ моей милой; ты выроешь тутъ для меня могилу. О другъ мой, не плачь .... не плачь о моей смер-

ти. . . . Я буду щастливъ....
Я вижу уже свою Адель ; она встрѣчаетъ меня съ пріятною улыбкою . . . . простираетъ ко мнѣ свои руки. --- Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ, я . . . . умираю. . . . Подойди , . . . прими послѣднее мое прощаніе. Я опечалилъ тебя. . . . Прости мнѣ. . . . любезная тѣнь моего друга. . . . милой Адели. . . . Я соединяюсь съ вами . . . . соединяюсь на . . . вѣки !

Онъ скончался въ моихъ объятіяхъ. Я оплакалъ смерть сего чувствительнаго, нещастнаго пастуха. Желая выполнить свое обѣщаніе, я вырылъ могилу, поло-

жилъ его подлѣ Адели, и вырѣзалъ на корѣ, не далеко стоящаго дерева, сіи слова:

Сердца чувствительны и нѣжны,
Вы, кои знаете любить,
Придите слезы сокрушенны
Подъ кипарисомъ симъ пролить.

Какъ розу день одинъ цвѣтущу,
И увядающу въ другой,
Такъ Гиласъ зрѣлъ Адель растущу,
И вдругъ сраженну смертью злой.

Напрасно нѣжной другъ, любезной
Его мученье облегчалъ;
Сей другъ отъ горести чрезмѣрной,
Въ болѣзнь жестоку скоро впалъ.

И онъ послѣдовалъ за милой;
Сей гробъ скрываетъ обоихъ.
Возможноль горлицѣ унылой
Жить безъ любезной хотя мигъ?

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано			Читай.
Стран.	*Строк.*		
17	2	ско-	скоро
46	5	служив-щихъ	служив-шихъ. —

Другія маловажныя и смысла непеременяющія погрѣшности каждый благосклонный Читатель приметъ трудъ исправить самъ.

